

Главный герой «Береговой охраны» становится агрессивным назойливым призраком.

Кадр из филь

Восемь, Ким Ки Дук, девять

В один день на российский экран выходят сразу два фильма признанного южнокорейского режиссера

Сергей Кудрявцев

«Береговую охрану», восьмую работу Ким Ки Дука, можно считать завершением условной трилогии о насилии в обществе, начатой лентами «Адрес неизвестен» и «Плохой парень». Впрочем, «Реальный вымысел» и «Остров» тоже следовало бы причислить к разряду жестоких произведений о жестокости в отношениях людей друг с другом и с окружающим миром. Но «Адрес неизвестен», «Плохой парень» и «Береговая охрана» более схожи между собой благодаря сквозной теме прямого или косвенного влияния на поведение героев полувескового конфликта Северной и Южной Кореи, а также длительного присутствия американских военных баз к югу от линии, разделившей страну на два противостоящих лагеря.

И хотя северные корейцы вообще не появляются на экране даже в «Береговой охране», где солдаты из южнокорейской армии охраняют границу от проникновения вражеских шпионов, складывается невольное впечатление, что постоянно напряженная атмосфера на подступах к последнему рубежу вызывает повышенную нервозность и у пограничников, и у местных жителей. Как будто сам воздух тут навсегда отравлен миазмами ненависти и нетерпимости, из-за чего люди теряют контроль над собой, стреляют в сограждан, по дурости или ради вызова пересекающих опасную черту, а потом сходят с ума и начинают смертельную охоту за бывшими однопольчанами, как ефрейтор Кан, который уже не может остановиться, однажды почувствовав вкус крови.

Осознавая некоторую декларативность истории южнокорейского солдата, решившего выслужиться и пристрелившего

пьяного парня, который вздумал вместе с подружкой заняться ночью любовью за пределами специального ограждения на берегу залива, Ким Ки Дук по ходу развития событий намеренно выстраивает «Береговую охрану» словно на грани реальности и вымысла. Ефрейтор Кан, уволенный из рядов армии, действует подобно неуспокоенному призраку, продолжающему мстить всем подряд. А может, и тронувшаяся Ми Чен (та девушка, которая была в роковой момент с первым из застреленных) как-то причастна к почти ритуальным убийствам, которые начинают случаться с солдатами на границе.

Фильмы Ким Ки Дука всегда на грани реальности и вымысла

Заканчивается же картина вообще символической сценой в городе, где Кан в полной солдатской экипировке и с автоматом в руках ведет себя провокационно по отношению к толпе любопытствующих, что должно напомнить похожие эпизоды в «Реальном вымысле», когда трудно понять, происходит ли это на самом деле или сознательно инсценировано перед камерами, снимающими синхронно и с разных точек. «Южнокорейский Рэмбо», явившийся на городскую площадь как неуправляемый Годзилла, вдруг оказывается для людей персонализированной угрозой, а не тем бесплотным страхом, который витает уже 50 лет над поделенной надвое территорией полуострова Корея.

«Весна, лето, осень, зима и снова весна» — девятая по счету

картина 43-летнего режиссера, своего рода кинематографический аналог буддистской молитвы, полной самоотречения и умирения греховных помыслов, окончательного прорыва к вечному умиротворению, поиски которого составляли внутреннюю суть подчас шокирующего «Острова». Ким Ки Дуку пришлось самому играть в новеллах «Зима» и «Снова весна» роль взрослого, примерно сорокалетнего монаха, который вернулся из большого и жестокого мира в маленький храм, устроенный на специальном помосте на одном из небольших озер посреди покрытых лесом сопков, чтобы по-

ках, так и сам режиссер проделал семилетний путь в кинематографе, придя к простоте, красоте и покою. Насилие и натурализм подчас смущавшие ханжей искусства в его прежних лентах на сей раз демонстративно оставлены за кадром — и можно только представлять, как беспощадно разделился со своей любимой женой покинувший плавающую пагоду парень-монах, когда мы видим после его возвращения в обитель на озере лишь обезумевшие глаза убийцы и окровавленный нож в руках как орудие слепой мести. В этом спокойном и величественном месте на Земле даже детские шалости (еще мальчишкой герой привязывал маленькие камни к рыбке, лягушке или змее) выглядят недопустимым надругательством над природой, за что приходится расплачиваться всю жизнь, «неся камень в душе», по словам старого монаха.

Аура ненасильственного существования в картине «Весна, лето, осень, зима и снова весна» такова, что обостренно воспринимаешь и тот странный ритуал написания сутры на помосте, когда умудренный старец обмакивает хвост жалобно мяукающего белого кота в черную тушь и терпеливо наносит столбцы иероглифов, а потом заставляет отступника-преступника ради духовного покаяния вырезать в измождении своим «убийственным ножом» все эти надписи. И чуть ли не физически ощущаешь, как упорно тащит за собой каменную плиту поднимающийся в гору человек. Перестрадав и согнав сто потов, он взирет окрест с высокой кручи и чувствует очищение. Не так ли происходит и с последним фильмом Ким Ки Дука?!

Сергей Кудрявцев — кинокритик, член Союза кинематографистов РФ.